

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Самоцветы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
М22

М22 **Мамин-Сибиряк Д.Н.**
Самоцветы / Д.Н. Мамин-Сибиряк – М.: Книга по Требованию, 2021. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-2987-2

Д. Н. Мамин-Сибиряк (1852 - 1912 гг.), - выдающийся писатель-реалист, "уралец", глубокий знаток "областной" жизни, предвосхитивший современную отечественную беллетристику, посвященную "малой родине".

Мамин-Сибиряк - подлинно народный писатель. В своих произведениях он проникновенно и правдиво отразил дух русского народа, его вековую судьбу, национальные особенности - мощь, размах, трудолюбие, любовь к жизни, жизнерадостность. Мамин-Сибиряк - один из самых оптимистических писателей своей эпохи.

ISBN 978-5-4241-2987-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.Н. Мамин-Сибиряк, 2021

Мамин-Сибиряк Дмитрий
Наркисович
Самоцветы

I

— Поедемте в Мурзинку, — говорил мне Василий Васильич, мой хороший знакомый из мелких золотопромышленников. — Время теперь самое бойкое: пахота кое-где уж кончилась, а до страды далеко, — вот мужичонки и промышленляют по части камней. Право, отлично съездим.

— Что ж, поедемте, — соглашаюсь я. — Только добывание камней производится, главным образом, по зимам, а теперь едва ли что увидим.

— Да, ведь, правильной добычи нет, а "работают камень", когда случится: и зимой, и летом... Право, поедемте. До Невьянска по железной дороге три часа езды, а там вёрст с семьдесят на лошадях. Погода отличная, лихо бы прокатились.

— Едем.

Мурзинка — большое село Верхотурского уезда; оно "с незапамятных времён" пользуется репутацией нашей уральской Голконды, как центр самых типичных уральских самоцветов. Считаю нужным оговориться, что Мурзинок на Урале не одна, как есть много Белых и Тёплых гор, речек Каменок, Карасых озёр; но настоящая Мурзинка одна. Сложились даже свои эпитеты, как "мурзинский камень", потому что самоцветы попадаются по всему Уралу, хотя не в таком количестве и не такого качества, как в Мурзинке. Большая разница между топазом ильменским (Ильменские горы — отрог южного Урала) и мурзинским, а ещё большая разница между аметистом из Мурзинки или из Богемии. Конечно, такая разница существует только для знатока или, по меньшей мере, для любителя, а не для большинства непосвящённой публики. Я беру именно Мурзинку, как типичный уголок, где добывание самоцветов уже утвердилось прочно и создало "интересного мужика", который "любопытничает по части камешков", с одной стороны, а с другой образовалась кучка торгашей, забравших всю торговлю добытыми самоцветами в свои руки.

Итак, мы отправляемся в Мурзинку. Конец апреля выдался тёплый, и погода стоит "на первый сорт". Наша уральская весна поздняя и очень капризная, поэтому радуешься каждому солнечному дню, как дорогому и редкому гостю. На вокзале в Екатеринбурге стоит страшная суeta, потому что, кроме своей обычной публики, увеличивает движение "проезжающий сибиряк", который пользуется открывшеюся навигацией. Но и, кроме того, весна будит свои уральские кровные интересы, которые засыпают с первым снегом и просыпаются с первой водой, — я говорю о мелкой частной золотопромышленности. Мой спутник Василий Васильич принадлежит именно к этой категории и страшно суетится на вокзале, перебегая от одной кучки «проезжающих» к другой: у него на каждом шагу встречаются какие-то таинственные "нужные люди", клиенты и целая тьма просто знакомых и хороших людей. Маленькому человеку иначе и нельзя, особенно кто живёт "своим средством". Я каждый раз люблю Васильем Васильичем, как типичным представителем разбитного уральца, а, главное, тем, что он всегда весел, всегда улыбается и всегда занят по горло. И фигура у него совсем особенная: кряжистый, плотный, с загорелым круглым лицом и бойкими глазами. Ботфорты, шведская куртка и кожан придадут ему вид не то купца, не то охотника, — сразу не разберёшь.

— Всё наши едут, — торопливо объясняет он мне, забегая сказать, что место

в вагоне занято и вещи снесены. — Кто куда: на север едут, в Кушву, в Невьянск, в Верх-Исетскую дачу... Вода тронулась — вот и хлопочут.

В течение последних пяти минут перед отходом поезда шляпа Василия Васильича мелькает у буфета, на платформе, в багажном отделении, на подъезде, а после второго звонка вырастает передо мной, как из земли.

— Ух, устал! — весело говорит он, вытирая лицо бумажным платком. — Едва успел... две телеграммы отправил, письмо написал, три рюмки водки выпил... Отбою нет от народа, и всё наши золотопромышленники толкуются.

Когда мы поместились уже в вагон, Василий Васильич перебежал от окна к окну и продолжал свои переговоры с оставшимися на вокзале нужными людьми, а когда поезд двинулся, он с азартом выскочил на платформу вагона и высунулся в дверь, ещё что-то кричал и даже размахивал своею шляпой.

— Уморился... Уф!

— Кажется, пора и устать.

— Да, ведь, время-то какое? Лето наше сиротское, вот и торопимся, как на пожар.

В нашем вагоне третьего класса ехала самая разнородная публика, и, конечно, у Василия Васильича сейчас же нашлись новые знакомые, а с одним он даже облобызался по-христиански из щеки в щёку. "Василь Васильич, друг, да тебя ли я вижу? Ах, ангел ты мой". — "А вы это куда наклались, Захар Иванович?" — "Да так, сам не знаю, куда еду, а увидел поезд и сял: дай, думаю, с добрым людям прокачусь". — "Знаем мы вас, как вы просто-то садитесь, Захар Иванович; тоже не левою ногой сморкаемся", и т. д. Разговор идёт беглый, с прибаутками и наговорами, как на хорошей свадьбе, потому что сибиряк уж так устроен — любит завернуть красное словечко, а, главное, необходимо пошуметь. Если хотите, такая кричащая о себе деловитость смахивает на своего рода кокетство, но лично я люблю таких подвижных, говорливых и шумливых спутников, с которыми легко коротаются самые длинные переезды.

От Екатеринбурга до Невьянского завода около ста вёрст. Уральская железная дорога здесь идёт с юга на север по холмистой местности, которую перерезывают отроги недалёкого Урала. Там и сям по сторонам дороги расстилаются заросшие горные озёра. Сейчас на них растёт золотушная берёза и сосна-карлица. Издали вид на такие озёра довольно оригинальный: глаз легко различает лесистые острова, выступающие из озера, каменистые мысы, заливы и вообще всё очертание исчезнувшей береговой линии. Такое зарастание горных озёр — результат хищнического истребления леса. В будущем эти торфяники дадут массу горючего материала. Нужно заметить, что эти сто вёрст от Екатеринбурга до Невьянска поезд идёт по заводской даче, принадлежащей владельцам на мифическом по-сессионном праве: сначала идёт дача Верх-Исетских заводов, а затем Невьянских. Первая занимает площадь в 1 000 000 десятин, а вторая около 180 000. Как видите, дистанция огромного размера, но в последней лес истреблён окончательно, а в первой ещё истребляется, и нарастающие торфяники в своё время явятся единственным топливом для обеих дач.

О несметных богатствах Урала писано и переписано в достаточной степени, так что уральские сокровища сделались своего рода банальным выражением; но Урал не на всём протяжении богат в одинаковой степени, и есть уголки, которые даже среди несметных уральских богатств выделяются, как исключительно

одарённые всеми благами. Именно по такой площади мы и ехали сейчас и чем ближе подвигались к Невьянску, тем оживлённее делалась развёртывавшаяся панорама. Прямо по сторонам дороги почти непрерывно тянулись золотые промыслы и мелькали живописные кучки старателей, золотопромывательные машины, глубокие выработки, желтевшие отвалы промытых песков и вообще полная картина местности, охваченной золотом лихорадкой. Особенно выделились Рудянка и Шуралинский завод, — в последнем даже спущен пруд, чтобы выработать золото на его дне. Невьянск является центром этой лихорадки.

В Рудянке к нам в вагон ввалилась целая толпа кожанов и простых деревенских баб. Народ всё такой крепкий, сыромятный, — сейчас видно, что кержаки, как называют на Урале старообрядцев. Главным действующим лицом был молодой парень с ястребиным носом и ястребиными глазами. Другие только провожали его. Меня заинтересовало, что парень в числе пожитков втащил отличный кожаный саквояж, который и поставил в угол около себя.

— Так ты, Якунь, уж тово, мотри... — наговаривала какая-то старуха, оглядывая подозрительно всю публику; у ней были такие же ястребиные глаза. Дорога не близкая, так уж ты поберегайся... Тоже всякий народ попадает...

— Да уж будьте спокойны... Не впервой! — бойко отвечал парень.

Кожаны тоже дали путешественнику несколько хороших советов, и он отвечал им так же стереотипно. Видимо, что эта сцена родственного расставания происходила довольно часто, и все проделывали одну и ту же церемонию, как по нотам. В заключение Якунь снял свой кожан и начал кланяться в ноги поочерёдно всей провожавшей его родне.

— Родимая матушка, прости и благослови... — говорил он, кланясь бабе с ястребиным лицом.

— Бог тебя простит, бог благословит... Мотри, Якунька, не обмиришься, а то лучше и глаза тебе не показывать домой... Лестовкой запорю...

Изнемогавшая дробь станционного колокола прекратила эту сцену, и Якунька опять мог залезать в свой кожан. Когда поезд тронулся, он собрал свои пожитки в одно место, — какой-то потник, вместо постели, выбойчатое одеяло и подушку, а сам сел наверх, как ястреб, точно боялся, что сейчас же кто-нибудь из публики посягнёт на его добро. Я напрасно старался припомнить, где видел это ястребиное лицо, а, между тем, оно было совсем знакомое.

— Да это Якунька из Токовой, едет с камнями в Париж на выставку, объяснил Василий Васильич, знавший всех и всё. — На нашей выставке в Екатеринбурге в кустарном отделе у него была своя витрина, — помните?

— Ах, да...

— И дошлый только народ — удивлялся Василий Васильич. — А дорогу им Самошиха показала... Она первая и в Москву, и в Петербург проникла с мурзинскими камнями, а за ней уж бросились другие, из соседних деревень. Будем в Мурзинке, так завернём и в Южакову к Самошихе в гости.

Нужно было видеть удивление Якуньки, когда Василий Васильич подошёл к нему и прямо спросил:

— В Париж, видно, на выставку едете?

Якунька остолбенел и только ворочал глазами.

— А ты как знаешь? — спросил он, наконец.

— Сорока на хвосте принесла... — шутил Василий Васильич. — Ведь, видно

птицу по полёту! Из Токовой? Ну, вот видишь... С камнями тебе сейчас некуда ехать, потому что Нижегородская ярмарка ещё далёко, столичная публика по дачам разъехалась, — ну, некуда тебе, кроме как в Париж. Пронька Самошихин, ведь, ездил в Копенгаген на выставку?

— Это точно, Пронька был.

— Ну, так гладкой дороги. Кланяйся там нашим, как увидишь своих.

До станции минут десять ходу. Публика начинает торопливо собираться и вообще приходит в движение, потому что многие выходят в Невьянске. На время завод скрывается за леском.

— Сударыня, читали вы книгу "Об уме и познании", сочинение господина Ипполита Тэна? — спрашивает за моею спиной мужской голос.

— Нет, — отвечает молодой женский голос. — «Ниву» выписываем.

— "Нива" — это пустыки-с, сударыня... журнал, можно сказать, для девиц. Да... А я, знаете, когда прочитал книгу господина Тэна, то, можно сказать, прозрел. Всё теперь для меня ясно, как вот на ладони... Вот какие книги бывают, сударыня!

— Да я, пожалуй, и не пойму.

— Поймёте-с, потому так написано. Прочитали главу, непонятно, — ну, второй раз читайте, в третий, а потом уж всё как по маслу пойдёт.

— Вы мне запишите на бумажку, а потом я достану эту книжку, — отвечает женский голос.

— Да вы купите её, сударыня, книжку-то, и сейчас её в переплёт, а название я вам запишу.

Наступает пауза. Я оглядываюсь. За мной на лавочке сидит Захар Иванович и быстро пишет на лоскутке бумаги название книги. Он в таких же охотничьих сапогах и кожане, как и мой Василий Васильич. Давеча я не обратил на него никакого внимания, а рассматривая сейчас внимательно, не вижу ничего особенного: не то прасол, не то гуртовщик, не то золотопромышленник из мелких. Лицо русское, широкое, бородастое, с носом луковицей и небольшими, быстрыми глазами.

Записывая название книги, он по-прикащичьи несколько раз брал карандаш в рот. «Сударыня», для которой всё это делалось, — молоденькая, миловидная купчиха, одетая по-городски.

— Вы, ведь, в гимназии обучались, так вам это должно прочитать, наставительно говорил Захар Иванович, передвигая записку. — А мы учились на свои медные гроши и одним своим умом доходим до всего.

Василий Васильич с добродушною улыбкой наблюдал эту сцену и, отвечая на немой вопрос, объяснил:

— Не слыхали про Захара Ивановича? Нарядчик на промыслах... Большой чудак: всё мудрёные книги читает. Памятища у него невероятная... Представьте себе, что на прииске пятьсот рабочих, так он их всех по имени и по отчеству назовёт, да ещё и прозвища, у кого какие есть, тоже. За десять лет кто работал у него, всех в лицо узнает и назовёт. При расчётах тоже каждую копейку помнит: кому вперёд дано, за кем ещё старый долг, кому додать... Какая-то зверская память!..

Подходивший к Невьянску поезд лишил меня возможности познакомиться с интересным нарядчиком. Во всяком случае, как-то странно было слышать имя

корифея европейской литературы именно от такого приискового кожана, и думаю, что едва ли на другой какой железной дороге можно услышать подобный разговор. Урал вообще богат самоучками и, в частности, начётниками.

Издали Невьянск походит на уездный городок и красиво пестреет на солнце своими белыми каменными домами, зелёными железными крышами и богатыми церквами. Картину портит только охватившая завод со всех сторон голая «степь», как на Урале называют всякое безлесное место.

— Тёпленькое местечко этот Невьянск, — говорит Василий Васильич, любуясь в окно. — Пятнадцать тысяч жителей, торговля... На всех хватит золота, и ещё от нас останется. Одним словом, место самое угодное. На башню слазим в Невьянске... Вон как она покосилась, голубушка, точно старушка. Любопытная штука...

II

На невяньском вокзале публики всегда много, и можно только удивляться, откуда она здесь берётся. На маленькой тележке мы весело покатали в Невьянск, который так красиво пестрел по течению реки Нейвы своими бревенчатыми домиками, белыми каменными домами и зелёными крышами. Кстати, самое название Невьянск неправильно, оно произошло от реки Нейва, — следовательно, нужно говорить Нейвянск, но испорченное название уже вошло в общее употребление, и не нам его переделывать.

По пороге нас обогнал ехавший на такой же тележке Захар Иванович. Он наотлёт, по-купечески, приподнял свой картуз и скрылся на повороте какой-то узенькой улочки, — такие улочки ещё сохранились в Невьянске, как остаток доброго старого времени.

Невяньск почти первый завод, построенный на Урале, и в народе сохранилось ещё название его — "Старый завод". Я помню, как лет двадцать тому назад ещё видал где-то в мезонине «стекольную» со слюдой вместо стекла. Между прочим, об этой старине напоминали высокие коньки крыш, узкие окна и вообще значительная высота деревянных изб, — теперь уже так не строятся, потому что лес «отдадел». В одном из таких окон мы увидели седого, как лунь, старика, который с круглыми очками на носу сидел над старопечатною книгой, — Невьянск славится как кондовое раскольничье гнездо.

— Поворачивай на земскую! — командовал Василий Васильич, когда мы выехали на главную площадь, где стоял старинный гостиный двор и ряды мелких деревянных лавочек. — Пока закладывают лошадей да скипит самовар, мы успеем спутешествовать на башню...

— Что же, отлично...

Мы так и сделали. Башня стоит у самой фабрики. Она сильно наклонилась к пруду. Высота башни что-то около 25 сажен. По типу своей архитектуры она напоминает средние века, точно какая-нибудь итальянская кампанилла, пересаженная на Урал по недоразумению. В прежнее время в среднем этаже помещалась заводская кутузка, а сейчас башня пустует, заменяя каланчу. Единственный живой человек в ней — старик-сторож, который смотрит за старинными курантами и "отдаёт часы". Основание башни квадратное. До половины поднимаются голые стены. В середине узорчатым выступом выдаётся обходящий всю башню балкон. Выше — пролёты до колоколов, ещё этаж с новым балконом и конический верх с узорчатыми карнизами, выступами и нишами. Это единственная старинная башня на всём Урале. Вход в неё с заводского двора, где приделано большое каменное крыльцо. Лестница идёт в какой-то деревянной трубе, — очень скверная лестница с шатающимися и точно изгрызенными ступеньками. Впрочем, это только в трубе, а в самой башне всё ещё прочно и простоит в таком виде не одну сотню лет. Толщина стен изумительная, точно в средневековой крепости. Когда мы добрались до сторожки, где жил ветхий коморник, нужно было сделать передышку. «Отдававший» невяньцам часы старец оказался очень любезным и показал нам помещенье «курантов», старинные чугунные колокола и балкон, по которому он ходит уже двадцать лет. Балкон настолько ветхий, что я не решился на него выйти, — просто голова кружилась, особенно в том месте, где балкон

висел над прудом. Конечно, башня стоит чуть не двести лет, а сторож ходит двадцать лет по этому балкону, но всё-таки страшно. Удивительно живучий народ все эти сторожа и коморники: ходит себе день и ночь, отбивает часы, а время идёт да идёт.

— Скучно тебе, дедушка?

— Чего скучать-то, слава богу... Жалованье получаю, квартира готовая. Товарищ у меня есть: он спит — я хожу, я сплю — он ходит. Нет, ничего, весело.

Старик показал нам и куранты, которые, к сожалению, не действуют, подтопились шпеньки на медном вале, вроде тех, какие сейчас вертятся в трактирных «машинах», только, конечно, в большем масштабе. И от башни, и от курантов, и от старого коморника веяло ещё демидовскою стариной, точно для Невьянских заводов остановилось время, как и для курантов. Я долго смотрел с башни на фабрику, громыхавшую у нас под ногами, на зеркало первого на Урале заводского пруда, на рассыпавшиеся домики, дома и хоромины по правому гористому берегу реки Нейвы и левому низменному. Под всем этим похоронена целая история. Если бы встал из земли сам Акинфий Никитич Демидов, главный воротила и фундатор уральских заводов, и посмотрел с башни на дела рук своих, наверное жалось бы от скорби и его железное сердце. Старинное заводское гнездо едва дышит, а старинное железо, составившее славу Уралу и носившее свою торговую марку "старый соболев", кажется, сохранилось только на крышах старинных заводских зданий. Под этими крышами с узорчатыми железными коньками и железными узорами по карнизам считали ещё "словенскими литеры", а не арабскими цифрами, но, право, считали недурно, и Невьянский завод процветал. Правда, он давно уже вышел из числа других демидовских владений и сейчас влечит самое жалкое существование. При заводах числится дача в 180 000 десятин, а из них 114 035 десятин лесу, но заводы считаются лишёнными древесного топлива и получают его в виде исключительной милости из казённых дач. Производительность завода достигает едва 167 529 пуд. чугуна в год (приводим цифры за 1886 г.), причём "задолжалось людей" на вспомогательных работах 314 душ и на горнозаводских — 149 душ. Всё это такие мизерные и жалкие цифры, что даже приводить их здесь совестно: на десятину посессионной земли Невьянский завод не вырабатывает даже одного пуда чугуна, а дробь 167529/180229 пуда. Это рельефная картина заводской мерзости запустения. Нет, лучше уж Акинфию Никитичу лежать в земле, чем подниматься и смотреть на своё благородное потомство!..

С этою невяньскою башней связано несколько легенд, приводить которые здесь не стоит: какие-то подземные ходы, какие-то тайники и т. д. Она интересна сама по себе, как исторический памятник, напоминающий о золотом веке уральского горного дела. Царь Пётр был в Москве и сидел за обеденным столом, когда ему доложили, что пришёл тульский кузнец Никита Антупьев с сыном Акинфием и желают переговорить с ним. Кузнецы, как говорит предание, были одеты в простые кожаны, как сейчас Василий Васильич или Захар Иваныч, и в таком виде представлены были великому царю-работнику. Они словесно изъяснили своё желание взять в аренду недавно основанный Невьянский завод, и Пётр тут же словесно изъявил своё согласие. История Демидовых известна: Пётр орлиным своим оком умел угадывать людей... Галем в своей книге "Жизнь Петра Великого" говорит: "Государь, желая почтить трудолюбие сего мужа (Никиты

Демидова), хотел даже соорудить ему, как первому показателю источников, снабжающих Россию железом и медью, памятник на одной из площадей петербургских; но сие намерение осталось неисполненным". Петровские указы составляют целую литературу, к сожалению, ещё не разработанную, поэтому не лишнее привести здесь несколько выдержек из них специально по отношению к Демидову и Невьянским заводам: "А те заводы, говорит один из таких указов, — у таких построены добрых руд, каковых во всей вселенной быть невозможно; а при них такие воды, леса, земли, хлебы, живности всякие, что ни в чём скудности быть не мочно". Дальше: "яко истинному и православному христианству, подобает его великому государю нашему тебе работать всеусердно, с крайним и тщательным радением, яко верному и благодарному рабу, напоминая себе смертные часы, по которым о всех содеянных нами делах пред престолом божиим нелицемерное в том истязание будет, и потом по благих делах вечное благоприятие, а по лживых и неправых мучительное суждение последует". Наконец, предоставляя Демидову "чинить наказание" заводским людям, указ говорит: "С тем, однако же, чтобы не навёл он на себя правых слёз и обидного в том воздыхания; а всякая обида, паче же убогому человеку, есть грех непростительный". Эта приказная наивность может сейчас показаться смешной, но какая неизмеримая пропасть отделяет её живое, человеческое слово от мертвечины нынешних предписаний, инструкций и отношений! "Верный и благодарный раб" Демидов превзошёл самые смелые ожидания царя Петра, но всё это делалось именно за счёт "правых слез и обидного в том воздыхания" убогих заводских людей, о чём невянская башня могла бы рассказать, вероятно, очень много.

Старик коморник показал все достопримечательности, и пора спускаться с башни. Есть ход в следующий ярус, но туда "не пускают". Когда мы очутились опять на базарной площади, на душе сделалось легче. Невьянский «базар» бойкое место. Помимо старинного гостиного двора, как мы уже сказали, оперируют десятки деревянных лавок, лавочек и лавчонок. Впрочем, в Невьянске считается населения около 15 000, - значит, есть кому покупать, — да прибавьте к этому окрестные сёла и деревни. И мужик, и мастеровой живут "своим средством", а собственно завод не при чём. Развились разные мелкие промыслы, и Невьянск является своего рода центром, как маленький городок. Он и напоминает такой город, а кличка завода остаётся только на память о добром старом времени.

— Пробойный народ эти невянцы! — повторял Василий Васильич, когда мы проходили мимо торговых "рядов", — кто сундуки делает, кто железные вещи, кто железо морозит, кто иконы пишет.

Невянск действительно является центром кустарной промышленности, невянские сундуки известны в Бухаре. Это кондовый, ещё старо-новгородский промысел, занесённый сюда раскольничьими выходцами из коренной России... С ним неразрывно связывается живопись, потому что и сундуки, и вёдра, и подносы нужно расписать. Отсюда только один шаг до иконописи старого пошиба. Невьянские иконописцы известны всему раскольничьему миру на Урале, как Богатырёвы или Чернобровины, хотя это дело сейчас и в упадке. Существует особенный способ покрывать железо лаком, причём получают такие же узоры, как на замёрзшем стекле: это и есть "мороженое железо", вернее — жёсть. Как мне рассказывали, этот способ составляет секрет невянских кустарей и по наследству переходит из рода в род. Кажется, этот секрет производства заключает-